

— Мое здоровье уже не то, что прежде, годы берут свое. Поэтому я и надеюсь, пока еще жива, устроить судьбу этого ребенка.

Чэн Цзинь стояла за спиной Старой госпожи Чэн, ее прекрасные глаза были устремлены на сидящего напротив евнуха Ли.

— Старая госпожа! Кто бы мог подумать, что молодой господин столь хорош собой. Настоящий красавец, не зря в народе говорят, что нынешний Фума — первый красавец в столице. Сегодня увидел воочию — слухи не лгут.

Чэн Цзинь давно привыкла к подобным словам. Столько лет стоило ей выйти из дома, как она неизменно ловила на себе заинтересованные взгляды женщин, а многие мужчины и вовсе не могли отвести глаз, шепча, что она — переродившаяся волшебница, чьи очи способны похищать души.

— Красота для мужчины — дело десятое. Ребенок он старательный, просто еще молод, суждения его наивны, да и телосложением слабоват.

Евнух Ли с улыбкой смотрел на Чэн Цзинь, и в его глазах читалась искренняя симпатия.

— Старая госпожа Чэн, я пришел сегодня по важному делу. Есть высочайшее повеление: император призывает молодого господина Чэн Цзиня завтра утром на аудиенцию во время утреннего доклада.

Старая госпожа Чэн прекрасно понимала, что это означает, и обернулась к Чэн Цзинь.

— Чего же ты стоишь? Благодарим императора! Благодарим евнуха Ли!

Чэн Цзинь шагнула вперед, сложила руки в приветственном жесте и с изяществом поклонилась:

— Чэн Цзинь благодарит императора за милость и признателен евнуху Ли за хлопоты.

Евнух Ли кивнул. Он был наслышан, что Чэн Цзинь прочат в мужья принцессе Гулунь. Раньше многие сомневались, достоин ли обычный юноша руки принцессы, но сегодня, увидев его — не только писаного красавца, но и человека обходительного, образованного, к тому же, по слухам, владеющего боевыми искусствами, — он изменил свое мнение.

— Завтра я пришлю людей за молодым господином. А теперь позвольте откланяться.

Старая госпожа Чэн тут же велела слугам принести заранее приготовленные пятьдесят лянов серебра.

— Старая госпожа! Это лишнее, право слово!

Евнух Ли никак не ожидал такой щедрости.

— Евнух, вы проделали долгий путь. Цзинь-эр еще совсем молод, а в дворцовых делах кто же не знает, что вы — доверенное лицо императора. Если Цзинь-эр по неопытности допустит ошибку, надеюсь на ваше покровительство.

После таких слов евнух Ли не смог отказаться и, приняв подношение, удалился. Старая госпожа Чэн обернулась к Чэн Цзинь, и в ее взгляде читалось еще больше ожиданий.

— Внук мой! Завтра будь безупречен. Запомни мои слова: ты обязан влюбить в себя принцессу Гулунь, подружиться с Наследным принцем и расположить к себе всех во дворце. Нельзя дать ни единого повода уличить тебя в чем-либо.

— Бабушка, не волнуйтесь! Я сделаю все, как вы велели.

Весь остаток дня Чэн Цзинь провела в смятении. Узнав столько правды разом, без какой-либо подготовки, она была вынуждена сразу вступить в эту игру, что было для нее крайне непросто.

— Молодой господин, почему вы здесь одни? — Чэн Цзинь обернулась и увидела Цао Вана.

— Завтра мне предстоит войти во дворец, сердце не на месте.

Цао Ван усмехнулся и сел рядом.

— Отец сказал мне, что в этот раз вы едете на прием, чтобы получить награду, и я буду сопровождать вас.

Услышав, что Цао Ван будет рядом, Чэн Цзинь заметно приободрилась.

— Сходи на рынок, поищи какие-нибудь диковинные безделушки, желательно те, которых нет во дворце — что-то, что могло бы понравиться девушке. Возьмем с собой завтра, на всякий случай.

Цао Ван знал, что Чэн Цзинь с детства обручена с принцессой Гулунь, и решил, что она просто хочет порадовать будущую супругу, поэтому без лишних вопросов отправился на рынок.

После ужина Старая госпожа Чэн, все еще тревожась, дала последние наставления и велела служанкам с утра тщательно подготовить Чэн Цзинь к выходу. Лишь после этого она со спокойным сердцем удалилась.

Убедившись, что никого нет, Чэн Цзинь украдкой сняла верхнюю одежду и развязала тугую повязку на груди — лишь тогда она смогла вздохнуть свободно. Только в ночной тишине, оставаясь наедине с собой, она чувствовала, что по-настоящему свободна и может быть самой собой.

На следующее утро в доме Чэн царил суета. Слуги поднялись ни свет ни заря, даже Цао Ван принарядился. Старая госпожа Чэн стояла за спиной Чэн Цзинь, пристально наблюдая за тем, как ее готовят к выходу, и то и дело внося свои поправки.

— Мой внук просто бесподобен, истинный идеал. Не верю, что принцесса Гулунь устоит перед такой красотой.

По правде говоря, Чэн Цзинь с самого детства воспитывалась как мальчик. Она не знала, кто ее будет привлекать в будущем — мужчины или женщины, и никогда ни к кому не питала чувств. Но она понимала: согласно законам мира, союз мужчины и женщины неизбежен для продолжения рода, поэтому ей приходилось играть свою роль до конца.

Из-за долгих сборов карета, присланная евнухом Ли, прибыла еще до того, как Чэн Цзинь успела позавтракать. Весь дом провожал ее до самых ворот.

— Бабушка, я поехала.

Старая госпожа Чэн смотрела на нее с нескрываемой тоской. Многие не понимали: зачем так горевать, ведь это всего лишь визит во дворец, завтра она уже вернется. Но только Старая госпожа Чэн, Цао И и сама Чэн Цзинь знали: стрела выпущена, и пути назад больше нет.

Сев в карету, Чэн Цзинь отодвинула занавеску и встретила взглядом с твердым, решительным взором бабушки — она знала, что та передает ей свою силу. Цао И дал последние указания Цао Вану, который стоял рядом с каретой, и процессия торжественно двинулась в сторону дворца.

Чэн Цзинь впервые ехала на аудиенцию к императору, и сердце ее колотилось, словно барабан. Особенно когда они подъехали к дворцовым воротам и стража начала досмотр; от звуков снаружи Чэн Цзинь едва не лишилась чувств, а ладони покрылись холодным потом.

Когда шум стих и карета двинулась дальше, Чэн Цзинь приоткрыла шторку и украдкой выглянула наружу. Это был мир, которого она никогда не видела: длинная дорога, обрамленная ярко-красными стенами, и сверкающая на солнце желтая черепица крыш, от блеска которой рябило в глазах.

По мере их продвижения евнухи и служанки останавливались и склоняли головы, не смея даже поднять глаз. Весеннее пение птиц и аромат цветов ничуть не разбавляли гнетущей торжественности этого места.

После долгих поворотов они наконец остановились у ворот.

— Молодой господин, прибыли.

Услышав голос Цао Вана, Чэн Цзинь приоткрыла занавеску, окинула себя взглядом, поправила одежду и поспешно вышла из кареты. Войдя в ворота, она подняла голову и увидела огромную площадь, а прямо перед ней — величественное здание, поражающее своей мощью. На табличке над входом красовались три иероглифа: Тронный зал Цзиньлуань.

— Господин Чэн! Наконец-то! Император уже ждет вас.

Евнух Ли, вытирая пот со лба, не дожидаясь ответа, потянул ее за собой.

Поднимаясь по длинной лестнице, Чэн Цзинь чувствовала себя как в тумане. Когда они оказались у входа в главный зал, раздался пронзительный голос евнуха Ли.

<http://bllate.org/book/20736/2076481>